

АННА ВЛАДИМИРОВА

СБЕЖАТЬ ОТ
ЗВЕРЯ

ПРОЩЕНИЕ

18+

Городские волки

Анна Владимировна

Сбежать от зверя. Прощение

«Автор»

2023

Владимирова А.

Сбежать от зверя. Прощение / А. Владимирова — «Автор»,
2023 — (Городские волки)

Скоро я вспомню все. По крайней мере, мой доктор так говорит. А пока что вся жизнь — чистый лист. Я ни черта не помню. Ни как оказался в скорой, ни как получил пулю. Сейчас у меня нет ни врагов, ни друзей, ни любимой. Вернее, она есть. Но говорить со мной не хочет. Приходит редко, слушает сердце, смотрит на мониторы... и отказывается рассказывать правду. А еще просит не вспоминать... Что же я такого натворил?

Содержание

Пролог	5
1	6
2	8
3	14
4	17
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Владимирова

Сбежать от зверя. Прощение

Пролог

Первое, что взорвало сознание – сирена. Она противно выла где-то рядом. Меня трясло. Так трясло, что даже дышать было сложно. Видимо, поэтому на лице была кислородная маска. Вскоре ощутил прикосновение холодной дрожащей ладони к плечу.

Я лежал на чем-то твердом и подрагивающем. Кажется, в машине. И это она орала сиреной, разгоняя трафик.

– Операционную готовьте, срочно! – Хриплый женский голос воспалил и без того кипящий мозг, а чужие пальцы сжались сильнее, впиваясь ноготками в кожу плеча.

И я даже не успел ничего сделать, как рука сама метнулась к ее запястью.

– Катя! – обеспокоено вскричал кто-то еще.

– Нормально все, не нервируй его, – спокойно отозвалась женщина, позволяя мне держаться за ее руку. Даже отдала мне ее полностью, и я сжал хрупкую ладонь сильнее. – Тише, Тахир, мне этой рукой еще тебя спасать. Вот так. Молодец.

А в сознании начало проясняться. Замелькали картинки. Мутные, неясные... Они состояли в основном из женского голоса и воспоминания о ее прикосновениях. Запахи краски, горький кофе... Катя?

Я вздохнул и расслабил пальцы, не желая навредить ей.

– Воды можно? – прохрипел, замечая, как больно говорить.

Губы еле шевелились и дико болели так, будто я их пожевал. Может, так и было. Когда успел только?

Пластиковая трубка пощекотала кожу, причиняя боль, но я жадно обхватил ее губами и принялся пить. Тело налито тяжестью настолько, что даже глотать трудно. Губы заботливо промокнули... и я, наконец, разлепил глаза.

Низкий светлый потолок, трубки, датчики... Я привязан к каталке ремнями. А половина морды будто чем-то зажата...

– Тахир...

Я перевел взгляд на ту самую женщину. Какая красивая...

– Тахир, ты меня помнишь?

Я только сощурился, глядя на ее лицо, и слабо кивнул.

– Повезло, что пуля полетела уже в череп волка, – сказала она кому-то.

– Это был Анубис, не волк, – поправили ее. – Он в него перекидывается с такой легкостью...

– Добавить транквилизаторов? – с сомнением спросила она.

– Можешь...

– Не надо было его одного отпускать. Я же говорила – ему реабилитация нужна.

– Ну вот теперь будет ему реабилитация...

Катя глянула сначала куда-то вбок, а потом опустила на меня взгляд:

– Спи, Тахир.

И я повиновался. Откуда-то знал, что слушаюсь я редко, но это – то самое время, когда ничего другого не остается...

1

Я открыл глаза и вздохнул глубже. Чувствовал себя так, будто проснулся заурядным утром своей... заурядной жизни?

Память о ней словно еще не загрузилась, и это доставило неожиданное удовольствие. Хорошо ни черта не помнить. При этом нервы натянулись, будто от какого-то сопротивления, аж кончики пальцев пробило током.

Руки... Я поднял ладони на уровень глаз и осмотрел их, не понимая, что чувствую. Но вскоре до меня дошло – пустоту. Мне нечего больше держать. Или некого?

Сердце забилось в такт противным пискам прибора, и вдруг откуда— то сбоку послышалось сонное:

– Тахир?..

Я повернул голову и увидел ту самую женщину, которая везла меня на машине с сиреной. Катя.

Она спала на кушетке у стены все это время, а на мой «дебош» проснулась и подскочила ко мне со стетоскопом. Попробовала добраться до моей груди, но, видимо, так устала, что руки ее совсем ослабли. И я легко сцапал девушку в свои, прислушиваясь к ощущениям. Да, пожалуй, теперь гораздо лучше.

Катя обомлела в моих лапах, а я все вглядывался в ее лицо, притягивая к себе за плечи...

– Тахир, дай послушать, – хрипло потребовала она.

– Дай послушать мне, – усмехнулся я нагло, запуская пальцы в ее волосы.

Как же она знакомо цепенеет от моей близости... И запах я ее помню.

– Тахир, отпусти, – вдруг уперлась она в мою грудь. – А то выпишу успокоительное.

– Ты всегда так делаешь со мной? – вздернул я требовательно бровь. И почти не сомневался в положительном ответе. Она совершенно точно мной командовала прежде и угрожала успокоительным. – Я что, настолько тебя достал?

– Нет, – округлила она глаза. – Ты просто выжал себя полностью, сорвался несколько раз. А последний вышел едва ли не фатальным.

– А кто я у тебя? – усмехнулся.

Как же было спокойно теперь. А с Катей в руках – вообще невообразимо хорошо.

– Ты не у меня, – захлопала она глазами. – Я просто твой врач.

– И зачем ты врешь? – нахмурился я, притягивая ее к себе настойчивее. – Я помню твой запах, взгляд...

Она открыла было рот, но медленно захлопнула.

– Тебе сейчас нельзя волноваться, – заговорила, наконец, и осторожно выпуталась из моих рук. Будто я представлял для нее реальную опасность и был натуральным психом. – Твоя амнезия временная. Ты все вспомнишь...

– Я помню тебя, – упрямо повторил я. – Разве...

– Нет.

И пока я оцепенел, она воспользовалась моментом и принялась меня слушать. А я смотрел на нее исподлобья и не мог понять. Я помнил эти стены. Вид из окна был знаком до боли. Парк... Только раньше он был зеленее, теперь же изрядно пожух и облетел. И Катя... На этом картина моего мира заканчивалась.

– Постарайся не вспоминать, – сухо говорила она, будто мы не знакомы вовсе. – Твоя нервная система изрядно пострадала за последние несколько недель...

– Я что-то сделал с тобой? – потребовал я. – Поэтому избегаешь меня?

– Тахир... – начала было сурово она, но я снова сцапал ее и рывком прижал к себе:

– Я же чувствую твой запах! – прорычал со злостью. – Ты меня любишь и хочешь!

– Да чтоб тебя! – вдруг выругалась она, гневно хмурясь в ответ на мой испытующий взгляд. – Ты меня – нет!

Я выпустил от неожиданности, недоверчиво уставившись на нее. Она же откинула длинные рыжие волосы с глаз и оправила униформу.

– Что со мной случилось? – проследил я за тем, как она сгребает стетоскоп. – Почему у меня чувство, что я стал каким-то чудовищем?

Теперь ее взгляд наполнился сочувствием. Я видел, как ей больно, и готов был услышать самое ужасное.

– Нет, ты – не чудовище, Тахир, – отвернулась она. – Ты просто не выдержал всего, что случилось...

– С нами?

Ну как ее можно не любить? Мне даже показалось, что в памяти начали всплывать запахи страсти, звуки ее горячего дыхания, стоны и крика... Я вспоминал ее все больше. Пощечина! Она залепила мне щечину! Значит, все же накосячил...

– Нет, не с нами. И хватит вопросов, я же просила.

– Никогда не слушаюсь, да? – пылливо шурился я. Ну точно. Ее взгляд сказал мне все. – Ладно. Я все вспомню, и поговорим. А почему я попал на операционный стол, тоже не скажешь?

– Пулевое ранение в голову.

– Как?

– Все, – отрезала она. – Сейчас...

– Как?! – перебил ее, злясь.

Попадись ты мне еще в лапы! Но Катя благоразумно отошла к двери.

– Хочешь медикаментозную кому? – бросила она мне с вызовом. – Если не дашь себе добровольную передышку, Тахир, я тебе гарантирую, что ты пройдешь у меня реабилитацию любой ценой, тебе ясно?!

Ого. Грозная она у меня какая! Я только бровью повел, но взгляд вдруг сам скатился на ее соблазнительную грудь, пока она делала вдох.

– Сейчас тебе сделают инъекцию и поменяют капельницу. Потом накормят. Вопросы есть?

– Как мне с тобой тут связь держать? – вызывающе оскалился я. – Или ты регулярно спишь в моей палате на диване?

– Только сегодня. Кнопка вызова персонала тебе в помощь.

И она вышла из палаты.

Вот же огонь-баба! Но ей хотелось подчиниться. И что-то ведь подсказывало – делал я это ну крайне редко. Если вообще подчинялся. Наверное, я какой-нибудь самоуверенный мудака. Не преступник – иначе тут бы конвой стоял в комплекте с наручниками. Может, я на стороне закона? Кажется, да. Ну, значит, я достал Катю являться к ней с пулевыми и рисковать шеей. Это было бы самое простое объяснение. Может, она моя избранная? Не знаю. А может, мы разошлись? Или она меня бросила? Вот ни черта ей не обломится меня подлатать и вышвырнуть!

Ощущение пустоты вдруг болезненно сжало грудную клетку. Захотелось броситься за Катей и вернуть в свои руки. Еще и морда забинтованная начала болеть! Но я стиснул зубы и откинулся на подушки.

Не вспоминать. Она просила дать себе передышку. Хорошо. Я буду послушным. Тем более все, что кажется мне важным сейчас, рядом...

2

– Долго ты будешь валяться?

Я наполнила грудь воздухом и открыла глаза. Три дня, что я провела в доме Михаила, он казался совершенно незнакомым человеком. Да и человеком он не был, о чем приходилось постоянно вспоминать.

Оборотень терпел мою апатию, не обращал внимания на слезы, приносил еду, уносил еду нетронутой... и часто сидел рядом в кресле. Просто сидел, иногда листал книгу, а иногда дремал. Мобильного при этом у него не было. По крайней мере, все это время он ни разу им не пользовался, хотя раньше его редко когда можно было застать не во время разговора.

Но надолго его не хватило. В голосе наконец послышалось раздражение:

– Марина, если не будешь есть, это ничем хорошим не кончится.

– Ты меня убьешь? – отрешенно спросила я.

– Я вызову врача.

– Плевать.

– Ну и прекрасно. Ляжешь под капельницы в стационар...

Я повернулась к оборотню. Сегодня он был в домашних штанах, свободной футболке, весь аккуратно зализанный и уложенный. И натянула одеяло до подбородка.

– Чего ты хочешь?

– Много всего, – усмехнулся он.

– От меня, – процедила со злостью.

– Мне теперь светить тобой как счастливой самкой, – пожал он плечами и уселся в свое кресло. – Загремишь в больницу, и я добыю твоего волка еще одной жалобой на причинение расстройства пищевого поведения.

– Жаль, что тебе нечем заняться больше, – фыркнула презрительно, но губы задрожали, в носу зашипало, и я натянула одеяло на голову. – Уйди, пожалуйста...

– Да заколебала ты уже! – вдруг поднялся он с кресла и сдернул с меня одеяло таким рывком, что чуть руки не оторвал. – А ну встала и пошла в ванную! Достало нюхать на тебе его запах!

– Так уйди и не нюхай! – взвилась я.

И тут же оказалась схваченной за горло. А благодаря кровати мы оказались с ним на одном уровне, глаза в глаза.

– Если я стараюсь быть добрым, это не значит, что тебе все можно!

– Что все?! Послать тебя на хрен?! Пошел ты! – И я ткнула ему в морду средний палец.

Он сначала стиснул зубы и сжал пальцы сильнее, но потом выпустил, и я упала на кровать.

– Через час если не вымоешься, – процедил, нависая надо мной, – я приду и вымою сам, поняла?

И он оскалился, раздевая меня взглядом.

– Сволочь, – процедила я, дрожа.

– Час пошел, – выпрямился он и направился из комнаты. – И зубы почисти в конце концов...

Я распласталась на кровати, едва ли не подпрыгивая на ней вместе с колотящимся сердцем. Но угрозы оборотня раздеть казались весомее обещания убить. Пришлось сползти и выпрямиться. Ноги тряслись. Оглядевшись, я поморщилась и направилась в ванную.

Оборотень притащил меня в свой загородный дом. Никогда не слышала о нем. Но все здесь было с размахом. Спальня, в которой меня поселили, создана явно для женщины – слиш-ком сливочно-приторная для привыкшей к аскетизму детдомовки. Ванная – шик. Большая, с прозрачным окном с видом на оранжерею. Могло бы показаться, что Михаил увез меня на

Бали. Мне был виден на бассейн, окруженный со всех сторон зеленью и цветами. Вода журчала все время, и так легко было представлять под ее шелест свой номер в клинике и дождь за окном. А все это только злило.

Ублюдок! Сидит в кресле весь такой! А у меня сердце рвется от беспокойства о Тахире. Как он там? Не наделал ли глупостей?

В день, когда нас разлучили, я была уверена, что мы еще увидимся, что он до последнего будет со мной... Но он ушел. А я так хотела попросить его жить снова! Что за злая судьба у нас обоих? Почему же так? Никакой свободы, никакого выбора... Все всё решили за нас. Кому-то было выгодно убить Тахира, кому-то – вернуть меня в собственность Стерегову. И никто ничего не смог сделать. Что за бредовый новый мир? Могущественные ведьмаки, тоже мне!

Я следила, как в ванную льется вода, и не могла себя заставить двигаться. Зачем? Да пусть идет и моет! Просто отдам жизнь подороже, исполосую ему морду... и все кончится. Пусть потом объясняет этим ведьмакам, куда я делась!

А зачем я тут вообще?

Спасаю жизнь Тахиру. Он заслуживает большего.

По рукам прошла волной противная слабость, а жизнь встала на паузу... и будто пошла наоборот... В памяти пролетели последние дни, потом – последняя ночь с Тахиром. Его руки подрагивали, когда мыла его в душе, и от этого мое сердце рвалось в клочья.

Потому-что кто-то так решил.

И меня вдруг сорвало от бессилия что-либо изменить, невозможности коснуться снова, увидеть его взгляд или просто позвонить! Я опустилась на пол и уперлась лбом в холодный камень, содрогаясь от громких рыданий. Пальцы до боли сжались в кулаки, и я взвилась, как пружина, и схватилась за первый подъемный предмет. Им оказался небольшой стул. Окно он не разбил, но, отскочив, влетел в пышный цветок на полу. Горшок разлетелся вдребезги, а я только больше вошла в раж. Особенно приятно стало разбить зеркало и сгрести одним рывком бутылочки с полок. Я бесилась на полную мощность, плакала, что ненавижу.

Все ненавижу.

И всех.

Выдохлась я на дне горячей ванны. Вода приятно согрела, а куски битого зеркала на дне разобрали меня на куски. Да, так я себя и чувствовала... Скрутившись боком, я смотрела в десятки своих отражений, застывших в осколках, и тихо плакала. Вода уже давно вышла из «берегов», лилась на пол с каким-то сытым чавканьем...

– Хочешь вина? – вдруг донеслось от входа.

Стерегов стоял в проеме, глядя на меня непривычным взглядом – изучающим или... даже понимающим...

– Хочу Тахира, – шмыгнула я носом.

– Этого я не могу исполнить.

– Ну и тогда кто ты после этого? – презрительно фыркнула я. – Даже Тахира не можешь исполнить...

– Почему же? Я-то могу, но тогда твои страдания будут напрасны. Он же не дастся просто так...

– Просто ты урод, поэтому тебе никто не дается, – вздохнула я и опустилась под воду.

Но утопиться мне не дали. Стерегов вытащил на поверхность и дождался, когда я посмотрю на него.

– Что ж ты раньше не сказала? Много бы стало проще, – усмехнулся, вскинул меня на руки и вытащил из воды.

Я стояла, равнодушно наблюдая, как он стягивает с меня мокрые шмотки и оставляет голый. Но никакого значения этому никто не придавал. Он закутал меня в большое полотенце и снова поднял на руки.

– И почему ты терпишь? – свесила я голову вниз, глядя в потолок.

– Ты же у меня умная. Расскажи. Может, потому что урод?

– Наверняка, – шмыгнула я носом. – А еще я, видимо, плохо знаю ваши законы и очень нужна тебе для чего-то.

– Да-да, это точно, – спокойно соглашался он, а я вяло осматривалась.

Мы оказались в огромной гостиной. Пройдя через нее, оборотень шагнул со мной на лестницу и направился на второй этаж.

– Ты уже не вытерпел? Несешь скидывать меня с балкона?

– Если тебе когда-либо захочется узнать об искусстве убийства, я расскажу, – усмехнулся он мрачно. – Сбрасывать тебя со второго этажа бесполезно. Если только горло перегрызть сначала.

– О, какие тонкости.

– Это как раз не тонкости.

Он пронес меня по коридору второго этажа и внес в открытые двери просторной спальни.

– Твоя? – заозиралась я.

– Моя. Других тут нет. А свою ты разгромила.

– Там еще комната нетронутая, – педантично заметила я.

– Ну, мы не будем дожидаться твоего очередного разрушительного вдохновения. – И он бросил меня на кровать. А когда я выпуталась из полотенца и натянула его на грудь, он присел рядом на корточки и заглянул в лицо. – А теперь слушай меня внимательно. Если не будешь жрать, я сдам тебя в психушку. Комитет это вполне устроит – бедная моя девочка не выдержала всего, что сделал с ней Сбруев. Скучала по мне, но не могла сказать, ведь он жизнь спас... Понимаешь, к чему я?..

Мне показалось, он удивился прилетевшей пощечине. Хотя оборотень ведь. Где звериные реакции? Но Стерегов только медленно заполнил широкую грудь воздухом, темнея взглядом, и продолжил как ни в чем не бывало:

– ...Тебя будут колоть транквилизаторами, и будешь там жить в овощном царстве до конца дней. Питаться через трубочку и наполнять утку единственным смыслом своего существования. Хочешь?

Я хотела выкрикнуть ему в морду, что это всяко лучше, чем на его рожу тут смотреть, но сжала зубы крепче. Он всегда выполняет угрозы. И вариантов сделать мою жизнь еще хуже у него масса.

– Нет, – спокойно ответила я, остужая о мокрое полотенце горящую ладонь.

– Я больше не буду переспрашивать, ты знаешь, – вздернул он бровь и кивнул в сторону: – Ванная там. Шмотку принесу и приготовлю обед. И только попробуй мне там что-нибудь разбить. На сегодня хватит. Завтра закажу тебе керамику, будешь бить во дворе.

И он поднялся и вышел, а я проследила за ним взглядом, изумленно хлопая глазами. Это точно тот самый, на которого я работала? Носит меня тут... Может, ему наследство обещали, если он нормальным станет? Семья там... или девушка на худой конец. Пари какое-нибудь? Но я?

Побродив по комнате и выглянув с высоты второго этажа, я пришла к неутешительному заключению – не сбежать. Забор даже не видно. Его закрывала непролазная зеленая ограда. Старый фокус не пройдет – одну меня нигде не оставят. Да и смысл? Тахир снова окажется под ударом. Что же мне делать?.. Ответа не было.

Кроме понимания, что в психушку я не хочу. Спасибо, Стерегов, ну просто мастер уговоров!

Ванная у него оказалась под стать хозяину: мрачная, темная, но разбить было что. Зеркало до пола, к примеру. Что он тут с ним делает? Любуется собой в полный рост? Вот же урод!

Пока набиралась вода, я устало опустилась на дно ванны и обнаружила еще кучу места с обеих сторон. Он тут медведем, что ли, плещется? Картинка позабавила, и я фыркнула.

– Уже веселишься? – услышала и вскинулась.

Съежилась, подтягивая колени к груди.

– Зачем тебе такая огромная ванна? У тебя такой маленький? Или ты интеллект компенсируешь?

– Хочешь – можешь сама оценить, – усмехнулся он вдруг как-то устало, сбрасывая стопку одежды на тумбочку. – И интеллект, и размер того самого.

– А у тебя что, нет избранной? Или никто так и не рассмотрел ни того, ни другого?

Он довольно оскалился:

– Надо было раньше тебя себе взять. И как же я проглядел?

– Сомнительная радость, – поежилась я.

– Мойся, – кивнул он мне на стойку над головой и достал полотенце из шкафа. – И выходи. Ужин остывает.

Я проводила его ненавидящим взглядом. Но когда двери за ним закрылись, мне подумалось: а не попробовать ли использовать его расположение в своих интересах? Понятия не имела, какая оса его укусила, но он просто невообразимо изменился. Может, у него шиза и сезонное обострение? Не зря же такая осведомленность о моей вероятной судьбе в психушке? Личные знакомства, не иначе.

Плохая иллюзия. Опасная. Нельзя увлекаться фантазией, что я могу противостоять Стерегову. Да, сейчас сложно поверить, что этот и тот, из прошлой жизни – один мужчина. Но это все же он. И он сводит с ума.

А может, это изощренная попытка? Смена расположения на немилость и обратно?

Когда за дверью послышался его голос, мурашки поползли по коже. Я хотела жить. И к Тахиру вернуться – тоже. Но как? Нужно собрать доказательства, которые нужны Геральту, чтобы посадить Стерегова за решетку! Пока я рядом, у меня есть шанс отсюда выбраться, если соберу и передам показания. А для этого нужно ювелирно сыграть нужную роль.

Я громко сглотнула, пытаюсь выпрямиться, и облизала губы, пристально глядя на дверь. Выхода нет, кроме как попытаться.

В качестве шмотья он притащил мне комплект спортивного белья с бирками и такого же цвета домашний костюм. Я в жизни не носила ничего подобного и, натянув трусы с лифчиком, оглядела себя в зеркале. Щеки горят, глаза нездорово поблескивают, волосы дыбом. Хороша шпионка, ничего не скажешь. Я точно не во вкусе Стерегова. Мне приходилось видеть его баб, когда он водил их по рабочей галерее. Лощеные, фигуристые, с крутыми объемами в нужных местах и томными коровьими взглядами. Я развлекалась, «случайно» обрызгивая их растворителем из пульверизатора или краской. Но детство, похоже, прошло.

Я натянула кофту, штаны и прокралась в комнату.

Стерегова не было, зато был ужин. Желание жить и новый смысл запустили программу самосохранения в моем организме, и я уселась на пол, утащив с кровати поднос. Вранье о том, что он сам этот ужин готовил, никак не испортило аппетита. Запеченные на мангале перепелки, печеные овощи, свежая зелень и фрукты надолго отвлекли меня от планов.

И я снова не услышала, как оборотень оказался рядом.

– Что ты на меня так смотришь? – тихо возмутилась я, облизав губы.

И сразу вспомнился Тахир. Как он смотрел на меня, почти не отрываясь. Он говорил, что для него важно все: смотреть, чувствовать запах... чтобы знать обо мне то, что ему нужно. Выходит, этот тоже наблюдал...

– Ты забавная, – оскалился он. – Когда не бьешь зеркала.

– А ты не доводи. У тебя прекрасное зеркало в ванной.

– Я понимаю, что ты чувствуешь сейчас, – спокойно заметил он. – И мне правда не все равно.

– Сейчас расплачусь, – огрызнулась я, забывая, что хотела начать пользоваться ситуацией.

– Меня удивляет твоя смелость, – прошел он вдруг ко мне и уселся на пол напротив. – Когда я пришел к тебе в больницу, ты дрожала, как мышь. А теперь, запертая здесь, один на один со мной, будто ищешь смерти. Хотя у меня в планах подобного финала нет.

– А что же есть? – равнодушно пожала я плечами и схватилась за картофельные дольки. Только так и не поднесла ко рту, ожидая ответа.

– Посмотрим, – уклончиво отозвался он.

– А вот это похоже на тебя, – усмехнулась я презрительно. – Ждал, что я буду на пузе перед тобой ползать, надеясь на твою милость?

– Ну, это было бы логичнее, чем то, что ты делаешь, – улыбался он довольно. – И мне интересно, почему не боишься.

– А ты привык, что все боятся.

– Все боятся, – искривил он губы в злой усмешке.

– И что ты чувствуешь, когда тебя все боятся? Когда даже поговорить не с кем – все только хвостами машут, предугадывая твои желания, и скачут на задних лапках по поручениям? Я видела твоих охранников. Они почти все поголовно безмозглые, но те, что с интеллектом, тебя очень боятся.

– Меня это устраивает, – всматривался он в мое лицо, щурясь.

И теперь я была совершенно уверена, что изучает. Читает, сканирует на правду и ложь. Тахир же меня насквозь видел. А этот? Есть ли шанс обмануть Стерегова? А если нет?

– Я поела, – констатировала, поднялась и направилась в ванную.

Он промолчал. Но когда вернулась, указал мне на поднос:

– Отнеси в кухню и убери за собой.

– Мне больше нравилось, когда ты со мной носился, – укоризненно вздернула я бровь.

– Хорошего понемногу, – усмехнулся он. – Пошли, покажу, где кухня.

– А где мы вообще? – следовала я за ним, позвякивая приборами на подносе.

Стерегов шел впереди, сложив руки в брюки.

– Где-то в лесу, – ступил он на лестницу передо мной, а у меня аж руки зачесались садануть ему по башке всем подносом разом. Сдержаться стоило усилий. – Мариша, головы у оборотней крепкие. А вот твоя может не выдержать, пока я справлюсь с гневом...

Ну понятно. Обмануть его мне тоже если обломится, то не сразу.

– Ты справляешься с гневом? – пожала я плечами. – Зачем тебе это?

– Чтобы тебя не прибить.

– Ах, да – комиссия... Неудобно тебе сейчас, понимаю... Но скажи пожалуйста, ты же не будешь меня терпеть всю жизнь ради комиссии?

– Нет. Они немного еще подергают за тебя, и им наскучит.

– О, и что тогда?

Он посторонился у входа в кухню – широкий ассиметричный проем, через который мог бы и жираф пройти. Тут было на удивление светло. Но неуютно. Вылизано все аж до мутного блеска.

– Не нравится?

– Тебя забавляет угадывать? – поставила я поднос на первую попавшуюся поверхность.

– Я бы не спрашивал.

– Но ты сверяешься.

– Выпить хочешь? – направился он к кухонному гарнитуру.

– Я не пью.

– А я не пью один. – И он достал бутылку с чайного цвета жидкостью.

– Тогда ты должен быть непьющим. Кто по своей воле будет с тобой пить?

Он напряженно выдохнул, но упрямо взялся разливать алкоголь по бокалам. А я понимала, что договариваться он ни с кем не умеет. Да и не нужно это ему.

– Никто. И ты вот тоже не собираешься – тут все привычно.

– Зачем тебе нужно ломать кого-то? – вжалась я в столешницу.

Он поболтал алкоголем в бокале задумчиво, поднес к лицу и медленно вдохнул:

– Меня утомило твое паршивое поведение. – И он направился ко мне.

– Тебе неприятно, когда кто-то ведет себя не так, как ты привык? – тихо спросила, когда он приблизился вплотную и прижал собой к столешнице. – Страшно терять контроль?

Он медленно поднял ладонь и, когда я уже подумала, что ударит, и зажмурилась, вдруг нежно огладил скулу.

– Не уверена – не провоцируй зверя, – склонился к самому уху и прорычал таким глубоким голосом, что от странных вибраций задрожало тело, а дыхание сбилось. – Подчиняйся. – И он сунул мне бокал. От крепкого горького дымного запаха у меня в горле сразу запершило. Нет, может, выпить было неплохой идеей. Но не с ним же. – А волк этот твой, – склонил он голову набок, облизывая губы, – неужели не ломал?

– С вами не бывает легко, – глядела я на него исподлобья.

Он навис сверху и смотрел так, будто бросится.

– Пей, – процедил.

– Я не пью, Михаил. – Откуда у меня появилась способность ему возражать, сама не поняла. – У меня же прием лекарств, а алкоголь с ними несовместим – сам почитай назначения врача.

Он скрипнул зубами, прожигая меня взглядом, но вдруг выпустил и направился со своими бокалами к шкафу.

– Холодильник сбоку, контейнеры для остатка еды – в шкафу над головой, – скомандовал холодно.

Ох, не к добру его вот так вот уделывать. Он же псих. Наверняка с диагнозом! И я тут с ним в одиночестве...

3

Доставляло удовольствие просто пялиться в окно. И пустота. Мне бы еще лес какой-нибудь под ноги, запахи его, звуки... и меня бы вообще не стало. Я бы скрутился в листве под березой клубком и слился с миром.

Как давно я это делал, интересно?

Давно.

Катя не приходила весь вчерашний день. И сегодня тоже не спешила. А у меня на ней словно свет клином сошелся. Не терпелось вспомнить. Но я себя чувствовал, будто в яйце: изолированно, защищенно, спокойно... Морда уже не болела. Боль вообще не беспокоила.

И это, кажется, было непривычно.

Я почувствовал, что она идет, как собака – шестым чувством. Просто поймал какую-то вибрацию, потом ритм шагов, услышал голос... Катя говорила с кем-то по телефону. Прислушавшись, я уловил обрывки разговора.

– Нет, к нему нельзя! – сдавленно рычала она. – Мне плевать, кто вы и что можете. Со мной – пожалуйста. Приезжайте, я все расскажу.

Она постояла с минуту у дверей, прежде чем зайти.

Наши взгляды встретились сразу.

– И кто так хочет меня увидеть? – вздернул я бровь.

Катя ни черта не отдохнула – еле доползла до моей кровати и вытащила стетоскоп:

– Говорит, друг-знакомый...

– Всего один? – усмехнулся я.

– Руки по швам, – нахмурилась она и принялась меня слушать. А я смотрел на нее, не спуская взгляда.

«А если это не она?» – вдруг подумалось. Странное раздражение заворочалось внутри на каждое ее касание. Может, я и правда не любил? Или такой мудака? Что-то подсказывало, что второе.

– Когда ты со мной поговоришь? – потребовал я.

– Со вчерашнего дня рекомендации не изменились, – тихо огрызнулась она, поглядывая на приборы, и уже потянулась за папкой, что лежала в ногах, как я кинулся, схватил ее поперек ребер и втянул к себе на кровать.

Ох, как она взбесилась! Аж озоном пахнуло!

– Ты еще и ведьма, – покачал я головой, сжимая крепче. Я уложил ее рывком на бок лицом к окну, схватил за горло и оголил шею. Никаких меток. Зато какой непревзойденный метод шантажа! – Еще раз дернешься – я тебе метку шлепну, поняла? Будешь потом рассказывать чья ты кому-то другому.

– Придурок, – прошипела она, но послушно замерла.

– Молодец, – выдохнул я ей на ухо. – А теперь спи.

– Что?! – выдохнула она.

– Ты еле ползаешь, пахнешь потом и кофе – оно еще работает? И кто мне тут будет говорить про истощение?

– Не твое дело, – начала снова ерзать Катя, но я склонился к ее шее и прихватил прозрачную кожу зубами.

Хорошо она пахла на самом деле. Сладким чем-то... А от моей близости в тонкий аромат вплеся привычный букет: дрожь, поверхностное дыхание и лихорадочный стук сердца. Она меня звала. Правда, против воли.

– Спать, – уткнулся носом ей в висок.

– Ты с ума сошел. У меня работа, пациенты...

– Свалишь все на меня, – усмехнулся я. – За камерами следит кто-то?
– Надеюсь!
– Надейся. – И я устроил ее удобней, прикрывая глаза.
– Я не буду спать, Сбруев! – не унималась Катя.
– Будешь. Есть масса способов расслабить женщину.
– Даже не думай! – угрожающе прорычала она. – Я тебя сейчас расслаблю...
– Применение магии против оборотней запрещено, дорогая. Это я хорошо помню. – И я огладил ее подбородок большим пальцем.
– Самозащита! – дернула она головой.
– Против пациента, привязанного к кровати? – скептически уточнил я, придавливая ее подбородок сильнее. – Расслабься, Катя. И получай удовольствие.
– Сволочь, – вдруг обессилено просипела она. – Ты об этом пожалеешь.
– Это будет потом, – прошептал я. – И как так произошло, что ты ведьма?
– А как происходят ведьмы? Они рождаются у ведьмаков.
– А я знал об этом?
– Знал.
– Значит, мне было все равно.
– Тебе было все равно исключительно на себя.
– Так я у тебя не мудака?
Она промолчала. Я почувствовал, как расслабилась в моих руках и вздохнула глубже.
– Только не дай мне свалиться с кушетки.
– Не дам.

И она, наконец, затихла. А я прикрыл глаза, представляя себя с ней в той самой вожденной тишине леса. Я грел Катю, свернувшись вокруг клубком, а она уютно сопела мне в шею. На нас осыпались желтые листья, щекоча нос жесткими черенками. А грудь наполняло все той же пустотой. Странно. Вот же Катя рядом. Но почему так зябко и пусто? Еще и ветер вдруг поднялся. Разворошил наше гнездо, оголяя тела и оставляя их стыть под дождем...

Дождь.

Я помнил дождь.

Привкус горечи во рту и ледяные лезвия капель по коже. Дождь бежал мурашками по блестящей разноцветной от ламп дороге там, внизу. И совершенно точно давал передышку. Настоящую, реальную, а не эту вот иллюзию.

Шерсть встала дыбом, а в горле задрожало рычание. Я давно потерял Катю в этом сне, но это нисколько не беспокоило. Зачем мне искать кого-то, если я не мог найти самого себя?

Я открыл глаза и прислушался. Катя спала. Да так крепко, что становилось понятно – у меня появился конкурент по саморазрушению. Полежав какое-то время в тишине, я решил все же рискнуть – осторожно опустил руку ей под бок и вытащил ее мобильный из кармана халата. Но тот оказался предсказуемо заблокированным.

– Ты ради этого уложил меня себе под бок? – усмехнулась сонно Катя и, выпутавшись из моей хватки, села на кровати. – Верни мобильный.

– Зато ты поспала, – вложил аппарат в ее ладонь.

– Я позову этого абонента первым, когда будет можно.

– Ты же знаешь, что мне невыносимо быть без памяти. – Я проследил, как она слезает с кушетки и трет виски. – Голова болит?

– Да.

И не понять, что значит это ее «да». Захотелось малодушно припугнуть, чтобы не чувствовала себя тут главной.

– Кать, я припомню тебе все, – всмотрелся в ее профиль, пока она изучала содержимое папки.

– Обязательно, – кивнула она отстраненно. – Идешь на поправку, Сбруев. Хорошего вечера.

– Ка-ать? – окликнул ее, когда она взялась за ручку двери. – Я уже задолбался тут медитировать. Дай хоть пульт от телека или журнальчиков каких... Что я там люблю?

– Я не знаю, что ты любишь, Тахир.

– Только то, что тебя – нет?

– Это наверняка. Пульт справа в тумбочке.

– Возвращайся ко мне ночью под бок, – оскалился я. – Я докажу тебе обратное.

Но стоило двери захлопнуться за ней, я скривился от гадливости и неприязни. Неизвестность злила, и мне нужно было на ком-то сорваться. Но Катя этого точно не заслуживала.

– Надо вспомнить... – прорычал я, уперевшись взглядом в стену. – Давай!

Дождь.

Когда и где я здесь был во время дождя? Катя снова меня лечила после чего-то?

Стена.

И снова пустота.

Я вытянул шею и сузил взгляд на парке внизу. Да, определенно, он что-то значил для меня. Стук капель по куртке, взгляд и притяжение чужих слабых пальцев... Взгляд в мои глаза. Но не Катин. Я не видел, только чувствовал. Этот кто-то смотрел на меня с надеждой, доверчиво и умоляюще. У Кати взгляд не такой. Она точно все знает. А эта... Она целуется так по-особенному. Я вспомнил ощущение ее холодных губ на своих. Такое трепетное, испуганное, осторожное...

Кто она?

Кого я тут целовал?

Но образ ускользал.

Может, я изменил Кате? Поэтому она и ведет себя так отстраненно?

Зверюга молчал. Но это нормально после пулевых. Зверь жрет много энергии. Особенно, если принимает на себя удар, а он принимает. Даже неосознанно успевает спасти жизнь.

Нужно успокоиться и принять ситуацию такой, какая есть. Залечь. Выждать... Я же это умею. Только почему так сложно? Мне нужно бежать куда-то.

Я снова перевел взгляд за окно и прислушался к себе. Нужно. Аж в груди обожгло. Но я не знал куда...

4

Пока убирала посуду и остатки еды, Стерегов куда-то ушел. А я огляделась и направилась в гостиную. Пол под ногами выложен камнем, похожим на мрамор, стены тоже, но вся эта холодность компенсировалось теплыми акцентами – шкурами и большим мягким уголком, по которому, кажется, можно долго перекатыться из подушек в подушки и ни разу не повториться в позе. Странно, что телека у Миши не было. Зато был камин.

Я зарылась голыми стопами в меха и оглядела комнату. С одной стороны стена из стекла с видом на лес. Видимо, где-то там был забор, но его отсюда не видно. А с другой стороны, отделенная стеклом, просматривалась целая картинная галерея. Я покрутила головой, но никто так и не появился. Встав на носочки, чтобы не морозить всю стопу, я прошла на цыпочках в галерею и принялась рассматривать коллекцию Стерегова.

Я не сильно интересовалась чьими-то работами. И делала это сознательно, потому что известность художника мешала искреннему восхищению. От картины к картине я скользила взглядом по полотну, цепляла им подпись и следовала дальше.

Вкус у Стерегова своеобразный. Я не находила ничего общего в работах, которые он здесь собрал. И эмоций они у меня не вызывали. Я любила, когда картина рождает в голове вопросы: кто в центре сюжета? почему? что испытывает? что его ждет? Фантазия разыгрывалась, и я видела сюжет, переплетение линий, смещение цветов и переставала дышать от захватывающих эмоций...

И тут у меня расширились глаза. Сначала подумала – меня глючит. Потом – что я ненароком списала чью-то картину, которую видела где-то. Но нет! Эта картина – моя!

Тело парализовало, дыхание сперло. Я застыла напротив своей картины, которую нарисовала когда-то Стерегову для продажи в какую-то картинную галерею. Бросив взгляд на следующую, я распахнула глаза еще шире. Еще одна моя картина! И еще! А вот эту я бросила незаконченной!

Я медленно приблизилась к ней и коснулась холста. Меня будто током ударило и накрыло тем страхом, что я испытывала перед побегом. Вот здесь видно, как сильно дрожали руки.

Я одернула пальцы и рывком вдохнула. И тут же вздрогнула – Стерегов стоял позади в паре шагов... с комнатными тапками в руке.

– Надень, – бросил он мне их под ноги.

– Это же мои картины! – обличительно ткнула я в последнюю.

– Это очевидно, да, – буркнул он, развернулся и направился в гостиную.

– Что они тут делают?! – Последовала я за ним, вскочив в тапочки.

– Я же говорил, что ты – никчемная художница. Думаешь, шутил?

– Так выброси! – остановилась я, пережидая, когда отпустит спазм, перехвативший горло.

Его диагноз всегда действовал на меня оглушающе. Никогда не понимала, почему его мнение для меня так много значило. Но когда он озвучил его впервые, я перестала рисовать. Сейчас же хотелось догнать, запрыгнуть на хребет и скрутить ему голову.

– Я тебя не спрашивал.

И я уже не думала. Стянула тапок, взвесила в руке и запустила Стерегову в голову. Ох, как хорошо вышло! Сочно! Правда, тапок был легким и на пробковой подошве – боли не причинить.

Но со Стереговым случилось что-то странное. Он медленно повернул ко мне голову и вдруг фыркнул по-звериному, а глаза его натурально потемнели.

– Беги! – вдруг рыкнул он едва различимо и резко скрутился до пола. При этом лихорадочно шарил в кармане штанов. – БЕГИ!

Его рев сдернул меня с места. Я выскочила из второго тапка и бросилась по галерее. Та изгибалась недолго и закончилась широким проемом. Когда я добежала до него, услышала сзади топот и мужские голоса, а следом ужасающий звериный рык. Стопы обожгло огнем, в груди невыносимо ошпарило адреналином, и я влетела в просторную мастерскую, собирая на себя холсты, стулья, завалила мольберт и затормозила только у незаконченной картины.

Не сразу удалось заметить, что в мастерской есть собственный выход во двор. Выбежав на улицу, я перескочила через декоративные кусты и задала стрекача в лес. Но хватило меня ненадолго. Вскоре я схватилась за какую-то березу и сползла под ее ствол, хватая воздух пылающими легкими.

Что тут вообще происходит?! Мы тут что, не одни? А со Стереговым что?

Я опустила на землю и прижалась к березе плотнее, стараясь дышать ровнее. Вспомнился тот оборотень в холле больницы. Может, я вывела Мишу из себя, и он тоже... того? Вряд ли его пристрелят, конечно – тут нет Тахира.

При мысли о нем я снова почувствовала себя слабой и несчастной. Я бы все сейчас отдала, чтобы увидеть его, залезть на колени и прижаться, прячась от всего мира.

– Марина... – Я вздрогнула и вжалась в березу крепче. Ко мне откуда-то из-за спины вышел незнакомец. Одет он был как охранник. – Вы не ранены? – Я только мотнула головой. – Позвольте...

И он вдруг ловко присел рядом и подхватил меня на руки.

– Что случилось? – дрожащим голосом выдавила я, ежась. Меня несли обратно к дому! – Может, меня не стоит возвращать?..

– Все уже под контролем. Господин Стерегов с вами позже встретится.

Меньше всего мне этого хотелось.

– Чтобы дожрать? – вздернула я презрительно бровь. – У него тут много таких «счастливиц» обитало? А сколько продержалась самая живучая?

Мне не ответили. Внесли в дом и поставили на ноги. В гостиной на входе в кухню стояла еще пара таких же типов, упакованных в униформу. Еще бы, им не страшно! Стволы какие по бокам висят.

– Верните мой мобильный, пожалуйста, – вдруг прервали мой ступор. Я глянула на своего носильщика и нехотя вынула его аппарат из-под кофты. – Благодарю. А теперь пройдите в комнату.

– Какую? – хмуро уточнила я.

– В комнату господина Стерегова. Ваша на ремонте. Помните, где его спальня?

– Да, – развернулась я и зашагала вверх.

Остаток дня я кружила по комнате и предавалась отчаянию. Вспоминать, как я с помощью одного тапка устроила беготню, было смешно. А вот все остальное пускало сердце вскачь. Когда ко мне сунулись с подносом, я едва не вскрикнула, забившись в угол кресла.

– Ужин, – констатировала охрана. – Хотите что-то еще?

– Таблетку от головной боли.

Я следила за приближением мужчины. Того самого, которого едва не обобрала. Нет, рисковать и бросаться на него не стоило. Взгляд у него не человеческий. Оборотень, поди, тоже.

– А вы волк? Или медведь?

– Не могу вести с вами такие беседы, – холодно сообщил он. – Вам принести ноутбук, чтобы кино посмотреть? У господина Стерегова нет телевизора.

– Несите ноутбук, – мрачно согласилась я.

Вскоре у меня были и таблетки, и доступ к всевозможным сериалам и кино. И даже аппетит. Но отвлечься не выходило. Еще и ребра ныли и кожу пощипывало – крепко приложилась к мольберту Стерегова, но смотреть на свои повреждения желания не было. На фоне сериала легко было мусолить одни и те же вопросы: что здесь вообще происходит? как взрослый мужик

может выйти из себя от одного тапочка, пусть и прилетевшего в голову? Тот, кого пристрелил Тахир, вряд ли расสวิрепел от кислого молока в капучино. Или, может, Стерегов терпел меня весь день, а потом не выдержал и сорвался? Но зачем тогда он меня взял себе?

Когда внизу хлопнули двери, я вздрогнула и прислушалась. Было тихо. Ни звука, ни шороха. А если они сейчас все уйдут и оставят меня одну? Я подкралась к двери и выглянула в гостиную. Пространство освещала лишь невнятная нижняя подсветка, на полу дрожали блики от огня, горевшего в камине. И ни треска поленьев, ни запаха. Может, камин фальшивый?

Постояв немного в проеме, я скользнула босиком по коридору и ступила на лестницу, прислушиваясь. Но когда уже прокралась на самую нижнюю ступень, услышала уставший хриплый голос:

– Сюда иди.

Я влипла в стенку и заметалась взглядом по полумраку гостиной. Стерегов обнаружился в кресле. Он сидел, сгорбившись и оперевшись виском в кулак.

– Я сказал, сюда иди, – глухо повторил он. – Не беси, Марина. Я не трону.

Я медленно направилась к нему по широкой дуге. Он смотрел на меня ехидным взглядом.

– Как тапочки в меня метать, так ты смелая, – усмехнулся.

– Ну тогда ты еще подавал надежды.

Я встала в паре шагов, вжимаясь пальцами ног в длинный ворс skóry.

– Так я подавал надежды? – оскалился Стерегов, хотя при свете огня я видела, как прорисовались вены у него на лбу.

– Ты можешь быть разным, – сложила я руки в карманы штанов. – Сейчас мне кажется, что у тебя где-то на чердаке есть волшебная роза с облетающими лепестками...

Стерегов вдруг рассмеялся в голос, запрокинув голову.

– Можешь пойти поискать, вдруг найдешь, – улыбнулся он широко.

– Что с тобой? – серьезно спросила я, завороченно глядя на него.

В свете странного камина его взгляд стал совсем темным и пугающим, глаза блестели нездоровым блеском.

– Ничего. Я все тот же.

– Если бы знала, что ты складываешься от тапочки в голову... – И я облизала пересохшие губы.

– То что? – оскалился он.

Становилось тяжело дышать.

– Я бы тебя убила еще в больнице.

Он только усмехнулся и перевел взгляд на огонь:

– Я не складываюсь от тапочек, Риша. Тут тебя ждет разочарование.

Сделать вид, что мне плевать на то, каким именем он меня назвал, стоило сил. Меня так звала в приюте одна дорогая сердцу женщина. Она была воспитателем, а я представляла, что она – моя мама. Я жутко ревновала, била других детей, если те отнимали у меня ее внимание...

– Но слабости-то должны быть?

– Не все слабости действительно являются слабыми местами, – устало откинулся он на спинку кресла. – Теперь ты понимаешь, что мое терпение лучше не испытывать?

– Будешь меня дрессировать быть послушной и брать еду с рук? – вырвалось у меня презрительное.

Нет, я безнадежна. Ни черта у меня не выйдет выведать!

– Меня это не интересует, – глянул он на меня с привычным раздражением. – Плевать, как ты будешь брать еду. Хоть с пола! И вали уже спать! Можешь замотаться в одеяло и снова порыдать!

– Да пошел ты, ничтожество! – выпалила я, развернулась на носках и пошлепала ногами к лестнице.

– Простудишь себе что-нибудь, буду лично колоть уколы тебе в зад, поняла?! – прорычал он вслед.

– Хрен тебе, а не мой зад! – выкрикнула я с лестницы.

– Вот и посмотрим!

– Тапочек выдай побольше!

И я хлопнула дверью его спальни, тяжело дыша. Что я делаю? Он же озверееет снова, а меня могут не успеть спасти.

Подумав, я принялась баррикадировать дверь – притащила тяжелое кресло, рядом поставила тумбочку и сползла по стенке, усаживаясь спиной к баррикаде. Все же спокойней, когда Стерегов в поле зрения. Но так он хоть не сразу до меня доберется.

Шло время, а дом все так же хранил безмолвие. С трудом поднявшись, я выключила свет и прокралась к балкону. Ничего воодушевляющего мне не открылось. Михаил зря в себя не верил. Сбрось он меня отсюда на мощеную камнем дорожку, и я вполне могла бы умереть.

Освещенная мутными фонарями лужайка сгущала мрак за пределами света. А там ничего даже не намекало на близость цивилизации. Черта с два меня тут найдут. И его тоже. Мы что, прячемся? А может, он Тахира так боится?

Я вернулась в спальню, укоризненно глянула на кровать... Нет, есть и плюсы в моем таком детстве. Никогда у меня не было ничего своего. Ни кроватей, ни одежды, ни мамы.

Я отвернула край одеяла и, забившись под него, уставилась в окно. Мечты утянули меня в несуществующую реальность, где за мной все же приходит Тахир. Все это сейчас кажется такой нелепостью! Ну как он может смириться и уйти? Я ведь пыталась его спасти. Но он только усмехается в своей манере: понимающе, снисходительно...

– Зря ты в меня не веришь, Марина, – слышу я тихое. Приподнимаюсь на кровати и не могу сесть, потому что сплю в объятиях Стерегова. А Тахир стоит у балконной двери и скалится. Зло, с горечью... – Я же не прощу тебе предательство, помнишь?

И он вдруг обращается в жуткого монстра и кидается на меня...

Я подскочила на кровати от собственного крика и грохота.

– Открой, твою мать! Что с тобой?!

Но мне так и не удалось пошевелиться, пока Стерегов не вынес дверь вместе с моей баррикадой. Тумбочка отлетела к кровати, кресло кувыркнулось к стене. Он влетел в спальню и бросился ко мне:

– Чего ты орешь?! – откинул одеяло и притянул рывком за ноги к краю кровати.

– Пусти... – прохрипела я, дрожа, но в глазах вдруг зашипало, и я расплакалась.

Он неодобрительно глянул на меня исподлобья, потом отвел взгляд, поднялся и ушел. А я осталась в темноте один на один с ночным кошмаром. Как же все это показалось реально! На какие-то доли секунды я почувствовала себя в его когтях. Плоть порвалась от одного рывка его зубов, и я захлебнулась кровью...

Но тут щелкнул светильник у кровати, и Стерегов поставил на тумбочку чашку.

– Чай. С мятой, – процедил он. – Что случилось?

– Кошмар, – хрипло выдохнула я, не в силах пошевелиться.

Не знаю, что перевернулось сейчас в этом мире, но Стерегов с чаем при теплом свете торшера показался мне неплохой компанией. Мне не хотелось, чтобы он уходил.

– Пей чай, – пробурчал он и вдруг сам подал мне чашку. – Грей руки.

Я проследила, как он опускается на край кровати и роняет голову на ладони.

– Разбудила?

– Да, – неожиданно спокойно признал он.

«Так тебе и надо», – чуть не вырвалось у меня, но язвить не хотелось. Я прихлебывала чай, заполняя комнату раздражающим звуком, а Стерегов глядел куда-то в окно.

– Почему твой огонь в камине не трещит и не пахнет? – тихо спросила я.

– Аллергия на дым, – рассеяно отозвался он. – Специальные бревна без дыма не воняют, но и не трещат.

– Ну и зачем ты мне это рассказываешь? – усмехнулась я. – Остается только зажечь спичку и сунуть тебе в нос...

– Изобретательница из тебя никудышная, – покачал он головой.

– Если хочешь поспать на своей кровати, я могу спуститься в кресло у глухонемого камина...

Он вдруг повернул ко мне голову и сузил глаза, будто я сказала что-то из ряда вон или заклинание какое-то произнесла, и он вот-вот превратиться в человека...

Но ни в кого Стерегов не превратился, к счастью. Его губы дрогнули в усмешке. Он поднялся и кивнул мне следовать за ним:

– Пошли со мной.

– К-куда? – насторожилась я.

– Все равно уже никто из нас не уснет, – обернулся он от двери. – Тапки надень. Жду тебя в кухне.

И вышел, оставив меня удивленно смотреть на темный дверной проем, напоминавший черную дыру, которая все равно затянет. Я нахохлилась в пижаме и спустилась в гостиную.

Стерегов что-то уже готовил в кухне. Когда я вышла на свет, он доставал из микроволновки бутерброды с сыром и чем-то еще.

– Бери кофе, – кивнул на кофеварку. – И за мной.

Я повиновалась молча. Пусть лучше он будет вот таким более-менее вменяемым, чем кем-то еще.

Догнала я его почти бегом уже в галерее, и вместе мы вошли в его мастерскую. Только он вдруг замер, машинально ставя поднос на ближайшую поверхность, и щелкнул выключателем. И тут я вспомнила, как пролетала здесь низко-низко, цепляя ребрами все, что попадалось на пути.

Я попятилась к выходу, наскоро пристраивая кофе на подоконнике, и приготовилась драпать.

– Сюда иди, – повернул Стерегов ко мне голову. И я, вопреки планам, послушно направилась к нему. Но стоило подойти, он дернул край моей кофты, оголяя низ ребер. – Твою ж мать...

Наши взгляды сначала сошлись на внушительно больших подсохших царапинах от ребер до бедра, а потом встретились.

– Почему ты не сказала? – сурово потребовал Стерегов.

– Я не чувствовала... – пожала плечами.

Он выругался, закатив глаза, и приказал ждать его. Я огляделась, стараясь не думать о том, что происходит. Хорошая у него мастерская. Освещение продумано – сразу видно. Уверена, что тут есть имитация любого варианта – дневной свет, утренний... По периметру круглого помещения стояли мольберты, холсты, стеллажи с красками и кистями.

Бросив взгляд за окно, я заметила, что над верхушками деревьев уже наметилась узкая полоска рассвета. Значит, немного поспать мне все-таки удалось.

– Поднимай свитер, – неожиданно приказали позади.

Я вздрогнула, дернулась... и оказалась в руках Стерегова. В одной руке. Второй он придерживал стойку с цветком, на которую я налетела.

– Ты так вообще цветов не оставишь, – выпустил он меня, но тут же притянул за край кофты.

– Правда так тебе дороги? – закатила я глаза, но тут же зашипела от боли, когда он приложил вату с чем-то, крепко пахнувшим пряным алкоголем.

– Правда, – хмурился он, качая головой. – И как теперь тебя предъявлять комиссии?

– Они меня голой будут осматривать?

– Может...

– Противно.

– Не порть настроение, – хмуро глянул он на меня. – У меня было предложение. – Стерегов убрал аптечку и поднялся. – Видел, ты махала кистями в больнице...

– Знаю, что ты тоже ими помахивал в свое время, – не осталась я в долгу.

Я была в курсе, что Стерегов художник. Известный. Но работы мне его не нравились – слишком... густые, концентрированные, мрачные и контрастные. Они въедались в душу, стоило задержать на них взгляд, и долго оставались в памяти, продолжая что-то поднимать из потаенных уголков. Что-то жуткое, пугающее и не дающее надежды.

Но теперь, возможно, многое объяснится. Если он болен, к примеру, то его искусство – попытка облегчить внутренние страдания.

А еще он был владельцем художественной школы, в которой я училась последние годы. Когда мне предложили работать на него, я понятия не имела, кто такой Стерегов на самом деле. Никто о нем не говорил. Но принятие решения эта новость ускорила. Я же думала, что иду рисовать под началом настоящего художника. В перспективе мне обещали выставки, поездки на обучение и встречи с известными деятелями индустрии.

И теперь, глядя на то, как он раскладывает инвентарь, ставит мольберт и выкладывает кисти, я презрительно морщилась.

– Будешь вспоминать, как когда-то был художником? – сложила я руки на груди.

– Я не забыл. И ты тоже.

– Но ты очень старался, чтобы я забыла.

– Прости. – Мне подумалось, что я ослышалась. С губ сорвался смешок, и я оперлась задом о стену, равнодушно смотря на полотно. Стерегов тоже не стал заострять внимания на своих извинениях. – А теперь бери кисти и рисуй.

– Что? – опешила я.

– Рисуй, – приказал он. – Задание – глухонемой камин.

– Не хочу.

– А что хочешь?

– Ничего не хочу! И тапочек у меня снова пара, – вздернула я нос.

Стерегов сжал зубы и направился ко мне, а когда мы оказались нос к носу, глаза в глаза, уголки его губ дрогнули.

– Я могу научить тебя всему, что знаю, – прошептал он. – Ни у кого не было такой возможности. Никогда.

– Зачем тебе это? – тихо спросила я.

– Не твое дело, – склонился он к самому лицу. – Бери кисти, подтирай слезы и начинай работать. Мужики приходят и уходят, а то, что в душе и руках, остается с тобой всегда. Ты – одиночка, Марина. Как и я. Никто тебе не нужен. Тем более – волк этот твой...

– Ты его не знаешь! – зачем-то огрызнулась я.

Миша только оскалился:

– Ты думаешь, с такими монстрами, как я или он, можно жить долго и счастливо?

И вдруг развернулся и зашагал вглубь мастерской, а вскоре вытащил какое-то полотно и понес мне. Только я уже знала, что это. Эта картина – моя. Он забрал портрет Тахира из больницы. Я безмолвно взирала на то, как он ставит ее рядом с пустым полотном и разворачивает ко мне. Будто раздел меня догола и скривился, глядя на открывшееся зрелище.

– Это твое видение того, кого любишь? – потребовал он сурово. – Нет там такого и близко, Марина! Да и лежащих на кровати мужиков столько, что на это никто смотреть не будет!

– Я рисовала для себя! – обиженно засопела.

– Ты не оставила себе ничего из того, кем он является! Здесь нет жизни. Ты убила его на этой своей картинке.

– Я убила его из-за тебя! – сжимала я кулаки. Ох, как хотелось броситься и хоть разок успеть попасть по носу. Только до меня вдруг дошло, и я оцепенела: – Тахир что... мертв?..

Стерегов только высокомерно замолчал, но я не могла больше ждать очередного проблеска человечности и зарядила ему кулаком пониже ребер:

– ...Говори!

Вышло болезненно, но только для меня. Стерегов перехватил мой следующий удар и завел руку за спину, причиняя боль:

– Ты сейчас без рук останешься, – прошипел на ухо, хватая за горло. – Но мне плевать. Ты будешь рисовать ногами! Ртом! Может, тогда до тебя дойдет, что должно быть в центре сюжета!

– Ты говорил, мои картины – дерьмо!

Мы орали друг на друга во весь голос, только... ничего не происходило. Он не выходил из себя, а у меня словно силы высосали, и я не смогла больше поднять руку.

– Твои картины прекрасны. Я врал.

– Что с Тахиром? – не слушала я.

– Да откуда мне знать?! – Ноги подкосились, и Стерегов позволил мне опуститься на пол. Только тут же присел рядом и тихо пообещал: – Я узнаю.

Я подняла на него взгляд:

– Ты можешь не сказать... – начала я.

– Я похож на того, кто будет щадить твои чувства? – сдвинул он брови. И правда. – Теперь пей кофе, ешь будерброд и рисуй «глухонемой камин». Может, потом и волка своего сможешь нарисовать так, чтобы дыхание спирало от одного взгляда...

– Я не хочу никому спирать дыхание!

– Хочешь. Не хотела бы – не пошла бы ко мне работать.

– Я не хочу этого сейчас! Ты быстро разрушил иллюзии...

Но он не стал дослушивать – снова схватил за шею и притянул к себе:

– Хватит ныть, – процедил, пристально глядя в глаза. – Твои работы – лучшие из тех, что я видел в школе. Ты талантлива, Марина. Но нужно работать над этим. Много и упорно!

– Какого же... – начала было я, собираясь припомнить, для чего именно он намеревался использовать мои работы, когда до меня вдруг дошло.

Он столько моих картин оставил себе... Дерьмовые картины не вешают в своем доме. Он что... учил меня? Давал же задания прямо как сейчас. А потом вешал картины в своем доме? Он не трогает меня, не тащит в постель, терпит, срывается... Все для комиссии? Стерегову достаточно посадить меня в клетку и временами отряхивать, чтобы показать другим. И я буду продолжать всем улыбаться и говорить заученно то, что меня попросят, потому что мне важно спасти Тахира.

Но если спасти его мне не удалось? Если Катя не помогла, а он натворил что-то, что не исправить? Да, не Стерегов, но Тахир не просто так ушел... Он мог не выдержать?

– Я устала разгадывать твои загадки, – сдалась я. – Узнай, пожалуйста, что с Тахиром.

Он поднялся:

– Сегодня остаешься тут одна. Что-то понадобится – в кухне стационарный. Вызов на «единицу».

И он ушел.

5

Прошло еще три дня бесконечного смирения и воспитания силы воли. Я уже не говорил с Катей. Только злился на нее. Она еле заметно дрожала каждый раз в моем присутствии, пытливо поглядывала в лицо, пока я равнодушно пялился ей в глаза.

И вот сегодня впервые за долгое время заговорила.

– Я пушу к тебе сегодня одного твоего знакомого. В одиннадцать приедет.

– Думаешь, уже можно? – Вышло безжизненно.

Зря она заговорила. Потому что на место той самой жизни пришла глухая ярость.

– Меня беспокоит твоя покладистость, – перекинула она стетоскоп через шею и привычным движением поправила длинные волосы.

– Ты просила не вспоминать, – нахмурился я раздраженно.

– В том и дело. Я просила. И ты вдруг слушаешь.

– Тебе не угодишь, – недовольно отозвался я. – Ты права, у меня сегодня в планах взять тебя в заложники и пригрозить остричь под мальчика, если не выложишь мне все.

– Это на тебя больше похоже. – Искры исчезли из ее голоса, и Катя потухла.

– Я не хотел тебя обижать. – Поймал ее взгляд, и тот дрогнул.

– Ты не обижаешь. Я просто твой врач.

– А за что ты меня любишь? – забылся я, почувствовав слабинку.

Катя растерянно моргнула и отвела взгляд.

– Ну, в тебя сложно не влюбиться, – начала уклончиво и добавила: – Мне. Ты надежный, Тахир. Верный. Любящий... Ты когда любишь, то... – она замялась, – очень хочется быть той самой...

– И кого я люблю? – сузил я глаза на лице Кати.

– Ты любишь другую.

– И где она? Не любит меня?

– Черт, Тахир! – рыкнула Катя. – Ну вот как я в который раз позволяю обвести себя вокруг пальца?!

– Она меня бросила? Ушла? – давил я, чувствуя, что изнутри поднимается волна такой злости, с которой я сам не могу справиться.

– С ней все в порядке! Но тебе надо поправиться!

– Ты ее не пускаешь ко мне?!

Приборы взвыли, загорелась красная лампа, а Катя метнулась к тумбочке. Зверь внезапно рванулся из глубины сознания и затих уже на поверхности. Откуда-то мы оба с ним знали, что выходить из себя больше нельзя, иначе это будет огромным шагом назад от свободы и возвращения памяти. Мне на некоторое время заложило уши, но неожиданно все прояснилось, и я встретил Катю с уколами и бригадой медиков совершенно спокойно.

– У Кати просто халат расстегнулся, – пожал я плечами на недоумение врачей. – Вот давление и подскочило.

Ведьма залилась краской, бросившись поправлять безукоризненный внешний вид. А я проводил безразличным взглядом ее бригаду и устало откинулся на подушки.

– Не делай глупостей только, пожалуйста.

– Почему ты не говоришь? – сузил я на ней глаза, в который раз требуя ответов.

Она подошла ближе:

– Я уже объясняла: это очень опасно для тебя. Ты был на волоске. Если ты не восстановишься, то не сможешь никому помочь, понимаешь? Вспышка – и ты снова сорвешься. И снова койка, транквилизаторы и искусственная кома.

– Я сорвался?

– Нормально так сорвался. Ты хотел покончить с собой, когда я тебя нашла.

– Покончить с собой?

В голове вдруг крутанулись калейдоскопом картинки: стол, холодный ствол в руке... и обрывки разговора по мобильному.

– Слушай... – На плечо легла ладонь. – Дай себе еще хоть несколько дней. Черт! – И она сжала ладонь в кулак. – Я намеревалась тебя тут на месяц минимум закрыть, чтобы ты точно выполз из ямы!

Да-да, только в яме я чувствовал себя сейчас.

Значит, не Катя. Что там было в разговоре по мобильному? Мужской голос...

– Тахир, – позвала ведьма, и тихо щелкнул замок входной двери.

Я поднял взгляд и обнаружил, что в комнате стоит какой-то мужик. Просканировав его взглядом, пришел к выводу, что шмотки у него как раз должна сесть на меня. Он вдруг тихо попросил:

– Оставьте нас одних.

И я понял, что шмотки с него снимать будет ну очень плохой идеей. Потому что проще попросить его притащить мне мои.

Я не заметил, как Катя ушла. Пялился на Руслана и чувствовал себя в единственной светлой комнате, которую смог найти за все время блуждания в темноте.

– Помнишь меня?

Я помнил. Руслан был другом моего сына.

– Да.

А очертания все продолжали проступать.

– Где Эльдар?

В горле пересохло. Я заметался невидящим взглядом по прежде «молчаливой» белой стене, и все «смотрел»... У меня есть приемный сын. Он вернулся с войны недавно. И Карина, дочь моей...

Я был женат. У меня была... Полина.

Зубы сжались до скрежета и оцарапали губы клыками. Полина мертва.

Мертва...

Но давно.

– Тахир, Эльдар в порядке. – Руслан подошел ближе и подтянул к себе стул. – Поправляется после пулевого.

В моего сына стреляли. Он был на волосок от смерти... Я вспомнил девочку. Ксения. Ее забрали у Карины, а я... Я вернул. И из-за этого мы с сыном не разговариваем. С губ сорвался смешок. Как же глупо...

– Ты ему не говори только, – перевел я взгляд на Руслана. – Карина не объявилась?

– Нет, – нахмурился он несогласно. – Почему не говорить про тебя?

– У него своих проблем хватает.

Он покачал головой, стиснув зубы.

– Что с тобой? – процедил.

– Говорят, я стрелял себе в голову.

Он удивленно округлил глаза:

– Что за бред?

– Вот и мне кажется... Поэтому не говори.

– Нигде в отчете нет упоминания о стрельбе вообще, – удивил он меня. – В твою квартиру меня не пустили и ходом следствия тоже не поделились. Но я не знал, что в тебя стреляли. Хотел подтянуть Эльдара как родственника, чтобы дали допуск, но выяснилось, что ты здесь.

– Как интересно... А как думаешь, тут есть прослушка?

– Я проверил первым делом. Нету.

Профессионал.

Мы помолчали немного, думая каждый о своем.

– Рус, – я медленно наполнил грудь воздухом, пытаюсь вспомнить нечто другое, но не выходило. – Дальше ты не полезешь.

– С чего это? – вздернул он бровь насмешливо.

– С того. Я тебе никто. А у тебя вся жизнь впереди. Понял?

– Звучит, конечно, интересно, но есть такое понятие, как честь и совесть. Я уже давно знаю, кто ты на самом деле. И нет, я тебя не брошу. А еще – тебе стоило позвонить мне не только по поводу Эльдара.

Я пристально глянул в его глаза, сдерживая себя, чтобы не усмехнуться. Никому я звонить не буду – не хватало только Руса за собой утащить в неизвестном направлении. Но звучало это трогательно.

– Ладно. Тогда что ты еще обо мне знаешь? – сузил я глаза. – Я не помню какого-то куска последнего времени, и он не дает мне покоя.

– Твоя врач сказала, что тебе нельзя вспоминать, иначе ты пострадаешь сильнее. Честно говоря, она была убедительна.

– Она ведьма, Руслан.

– Она предупреждала, что ты приведешь этот аргумент. Но я видел видеозаписи. И запах слышал. Она на самом деле о тебе переживает, и я не могу увеличивать риск твоего срыва, Тахир.

– Тогда что ты тут делаешь? – злился я.

– Заполняю другой кусок твоих пробелов, который ты теперь помнишь. И по ходу дела собираю показания.

– Меня уже достало, что все тут что-то за меня решают, – зарычал я. – Если кто-то где-то, кому я очень нужен, пострадает, хуже я себе уже не сделаю.

– Ты мало заботился о себе последнее время.

– Что она показывала тебе на камерах? – вьелся я в него взглядом.

– Как тебя привели после срыва, как лечили... Показали карту, которая пестрит таким разнообразием фармы, что как-то сразу все вопросы отпадают. Катерину эту «пробил» – не подкопаться. – Он вздохнул. – Но я не знаю, что довело тебя до такого состояния.

– Кто, – поправил его. – Женщина.

– Было такое предположение, – уклончиво заметил он.

– Если да, то она была мне очень дорога. А «очень дорога» для зверя может значить только одно. Катя утверждает, что с ней все в порядке. Но где она – никто не говорит.

Рус слушал внимательно, а я видел – уже наострил уши, готовый взять след.

– Ночка будет бессонной, – признался он.

– Если не скажешь мне, что нарыл – загрызу. – И я расплылся в оскале. – И не надо на меня так смотреть – я предлагал тебе не лезть.

Руслан восхищенно усмехнулся:

– Надо было соглашаться, – покачал головой, но тут же серьезно добавил: – Попробую аккуратнее.

– Это правильно. Но если почувствуешь опасность – сразу сдавай назад. Понял?

Он кивнул.

– Эльдару, может, передать что-то?

Я только качнул головой.

– Когда придешь?

– Дай мне двое суток.

– Буду ждать.

Двое суток! Это же вечность! Единственная радость – мне есть с чего начать ковыряться в памяти. Визит Руслана оставил много «заусенцев». Жаль, я не смешивал эти две жизни – семью и ту, о которой забыл. Но почему? Почему ни в каких воспоминаниях я не видел рядом ее? Она не желала? Или я не подпускал? А может, кто-то другой?

Я проводил Руслана взглядом и попробовал успокоиться, но не выходило. Белая стенка осточертела до воя.

Почему я пытался свести счеты с жизнью? А я ли это был?

– В тебя стреляла я.

Я скосил глаза на Катю рядом, задерживая дыхание. Вот же ведьма! Подкралась незаметно с повинной. И стоит так близко...

– Тебе жить надоело? – прорычал я, сдерживаясь, чтобы не кинуться.

– Ты собирался пустить пулю себе в голову, – спокойно игнорировала она мои угрозы. – Когда я влетела к тебе в квартиру, мне предстало не самое простое зрелище в жизни. И не самое простое решение пришлось принять. Потому что ты кинулся...

– Почему?

– Ты потерял контроль. Принял полуипостась. И бросился на меня. Я в тебя выстрелила.

– Почему этого нет в деле?

– Потому что я решила сдаться на твою милость. Решишь меня обвинить – я приму наказание. Но виноватой я себя не чувствую.

– Это была самооборона.

– Ты – мой пациент. Мне стоило уложить тебя на койку раньше, а не довести до ситуации, когда пришлось стрелять тебе в голову, чтобы уберечь от убийства и выжить самой.

– Рассчитываешь на мое снисхождение? – усмехнулся я зло.

– Да. Я спасла тебе жизнь.

– Жизнь мне спас я, – посмотрел на нее прямо.

Полуипостаси просто так не случаются.

– А я спасла тебя.

– Что ты делала у меня дома?

– Меня очень просили присмотреть за тобой.

– Она?

Катя кивнула.

– Что вывело меня из себя? – тихо прорычал я и одним рывком схватил ее за горло. – Я не оборачиваюсь в полуипостась просто так...

– Тебя пытались убить, – сдавлено начала она, – сын попал в больницу. Много всего, Тахир.

– Убить? – сузил я глаза, притягивая Катю ближе. Пальцы сами сжались на ее нежном горле, и глаза ведьмы расширились. Она схватилась за мое запястье, но меня уже ничто не беспокоило, кроме правды: – Кто пытался меня убить?

И тут меня что-то кольнуло в живот – я даже сообразить не успел, когда эта рыжая так извернулась. Последнее, что увидел – как Катя рывком заполняет грудь воздухом, а у меня перед глазами белая стена сменяется черной...

* * *

Стерегов так и не явился за весь день. Я наворачивала круги по его дому и за пределами, исследовала его обширные владения и невольно восхищалась красотой леса. Мне нравилось нервировать охрану. Та незаметно следовала за мной, временами шурша листвой и похрустывая ветками – никчемные волки какие-то. Но запала хватило ненадолго. Вскоре я замерзла, потом пошел дождь, и пришлось возвращаться в стылый дом.

– Мне холодно, – рявкнула я в трубку телефона в кухне. – Может, вам здесь нормально, но людям тепло нужно!

Уже через несколько минут нагрелись батареи, но радости это не доставило. Я уж было решила еще что-нибудь тут разбить, когда взгляд упал на картинную галерею. И ноги сами понесли туда, где остался портрет Тахира. Я сжимала кулаки от злости – да пошел Стерегов псу под хвост со своим мнением! Влетела в мастерскую и замерла перед холстом. В груди сжалось тисками. Я стащила его с мольберта, поставила к стене и уселась рядом. Все же хорошо вышел. Да, это просто портрет, но для меня здесь в каждом штрихе спрятаны воспоминания. Как же хочется услышать голос Тахира! А при одной мысли о его объятьях меня затрясло.

А еще я сильно переоценила свои возможности. Я испытывала привязанности прежде, но еще никогда расставание не приносило столько боли. Думала, будет привычно, переживу. Но становилось только хуже. А сегодня вообще невыносимо. Стерегов не отвлекал, оставив в полном неведении о его планах. И Тахир теперь казался мне тем единственным, кто обещал определенность.

Но сдаваться было рано. Я металась в поисках выхода и, когда сидеть уже стало невыносимо, поднялась и принялась обходить галерею. Да, здесь творил только Стерегов. Даже по палитре было понятно – ближе всего на полках лежали темные глухие цвета. Пастель тут еще предстояло поискать, как и луч света в темном царстве. Потом я потащила одно за другим полотна, сложенные у стены. Наброски, подмалевки, незаконченные картины или и вовсе намеренно испорченные... Миша сбрасывает тут далеко не самые легкие эмоции. Собрав у стены более-менее завершённые работы, я снова уселась поодаль и занялась созерцанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.